

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ

Термин «отчуждение» в наше время широко распространен и при этом весьма многозначен. Он употребляется в юридическом правовом значении (например, «отчуждение имущества»), используется для обозначения психологического состояния отчужденности между людьми, отсутствия сопричастности человека миру. В богословской антропологии отчуждение трактуется как «богооставленность». Однако в социально-философской литературе оно чаще всего рассматривается как превращение человека в раба его же собственной деятельности и ее результатов (отчуждение, понимаемое таким образом, предлагается обозначить термином «социальное отчуждение»).

Социальное отчуждение как целостный феномен общественного развития существует в виде конкретных проявлений в различных сферах жизни общества и обладает сложной структурой. Сущность этого феномена — обратное негативное (угнетающее, деформирующее, а иногда и разрушающее) воздействие порожденного на порождающее, творения на своего творца. Следует отметить, что социальное отчуждение прямо пропорционально уровню ограничения свободы индивидов, причем ограничения воздействием прямых или косвенных результатов их деятельности (например, различных социальных институтов).

В структуре социального отчуждения можно выделить два взаимосвязанных аспекта: 1) отчуждение как объективный социальный процесс, существующий независимо от степени его осознанности людьми; 2) восприятие, переживание и осознание этого процесса субъектами отчуждения. В качестве объектов отчуждения следует рассматривать деятельность социального субъекта и ее прямые и косвенные результаты (продукты труда, общественные отношения, социальные институты, нормы и ценности и т. д.). В соответствии с тем, в какой из сфер жизни общества проявляется феномен отчуждения, обычно выделяют три его основных вида: экономическое, социально-политическое и духовное.

Существуют различные концепции эволюции феномена социального отчуждения. Так, согласно ортодоксальной марксистской точке зрения, отчуждение отсутствует в первобытном обществе. Зарождаясь с возникновением разделения труда и частной собственности, оно достигает своего апогея при капитализме и должно исчезнуть в будущем обществе (с устранением частной собственности, старого разделения труда и отмиранием государства). Согласно же экзистенциалистским концепциям, от-

чуждение является изначальной и неустранимой характеристикой человеческого существования. Советские исследователи, рассматривая историческую эволюцию феномена отчуждения, традиционно исходили из однолинейной марксистской схемы общественно-экономических формаций. Однако в настоящее время все большее признание получают различные варианты цивилизационного подхода к анализу реального исторического процесса.

Такой подход может базироваться, в частности, на идее чередования статики и динамики в жизни социума. Как известно, уже первыми мыслителями древности (от Гераклита — на Западе, до Лао-цзы — на Востоке) было отмечено существование и взаимодействие в мире двух тенденций: изменчивости всех вещей и их устойчивости. Еще в древнекитайской «Книге Перемен» выдвигалась идея взаимодействия готовых перейти одна в другую, вечно противостоящих и неотделимых космических сил — Ян (активная, светлая, обозначаемая цельной чертой, символизирующей также движение) и Инь (пассивная, темная, обозначаемая прерванной посередине чертой, символизирующей также покой и неподвижность). По мнению А. Тойнби, «среди разнообразных символов, с помощью которых мыслители не раз пытались выразить чередование статики и динамики в ритме Вселенной, Инь и Ян кажутся более подходящими...» Тойнби также считает, что «динамическое движение характерно для цивилизации, тогда как статичное состояние свойственно примитивным обществам»¹.

На взаимодействие двух полярно противоположных тенденций в человеческой истории обращают внимание и некоторые современные исследователи, в отличие от А. Тойнби не отрицающие единство исторического процесса. Так, А. Зиновьев выделяет в этом целостном процессе «цивилизаторскую» и «коммунальную» тенденции², а Л. Поляков — тенденции «исторического развития» и «аисторического пребывания». Причем, по его мнению, названные тенденции можно представить в виде двух идеальных моделей контрастных социумов. Правда, в реальной исторической практике едва ли можно найти абсолютно адекватное воплощение этих идеальных моделей, но в западной цивилизации в целом доминирует тенденция «исторического развития», а в традиционном обществе — тенденция «аисторического пребывания»³.

Традиционное общество в ходе исторического процесса претерпело различные модификации (первобытное общество, «азиатский способ производства» и т. д.), но в сущности своей оставалось неизменным, утвердив господство законов фундаментальных отношений социальности («социальных законов»). «Будь как все — вот основа основ общества, в котором социальные законы играют первую скрипку»⁴. Эти законы обеспечивают стабильность общества, максимально ограничивая свободу индивидов. Однако в социуме коренится и динамическая тенденция, связанная с потенциально присущим каждому человеку стремлением к самореализации, творчеству. На уровне индивида также находит опору тенденция к стабильности, связанная со стремлением людей к самосохранению и покою. Эмоциональным стимулом стремления к покою является ощущение блаженства (тогда как стимулом стремления к самореализации — ощущение счастья).

При случайных ослаблениях ограничения свободы индивидов социальностью за счет творческой инициативы раскрепощенных индивидов происходит динамичное развитие сообществ, допустивших такое ослабление. Поэтому нормы и правила, ограничивающие действие «социальных законов», распространяются и закрепляются. На протяжении длительного периода времени спонтанно складывается цивилизация, в основе которой лежит «расширенный порядок человеческого сотрудничества», являющийся, по мнению Ф. Хайека, самой сложноорганизованной из известных структур⁵.

Как же складывается судьба феномена социального отчуждения в условиях традиционного общества и в условиях цивилизации? Объективная ситуация отчуждения возникает еще в процессе антропосоциогенеза, ибо по мере выхода из животного состояния человек все более становится рабом своих социальных сил, формирующихся фундаментальных отношений социальности, сковывающих свободу индивида. Социальное отчуждение является естественнo-историческим условием существования общества как целого, существования, реализуемого ценой большего или меньшего ограничения свободы индивидов. Следует, однако, отметить, что динамика восприятия отчуждения не всегда адекватна динамике объективной ситуации отчуждения.

В традиционном обществе неизменным в веках остается наличие именно объективной ситуации тотального социального отчуждения. Для этого типа социума характерно чередование периодов «смуты» и «порядка». При этом в периоды «порядка» высокая степень социального отчуждения обусловлена сведением до минимума свободы индивидов, а в периоды «смуты» — ростом стихийности совокупной социальной деятельности. Однако объективная ситуация отчуждения в эти периоды воспринимается не одинаково. В эпоху «смуты» люди остро ощущают свое рабское бессилие перед социальной стихией (отсюда древнее китайское проклятие: «Чтоб жить тебе в пору перемен!»). Во времена же господства «порядка» тотальное социальное отчуждение часто воспринимается членами традиционного общества как естественное состояние. Раб не осознает свое рабское положение в системе всеобщего рабства. Очевидно, в культуре традиционного общества заложен своего рода защитный механизм, благодаря которому глубочайшее социальное отчуждение перестает ощущаться и осознаваться многими людьми (наступает нечто, сходное с болезным шоком).

Цивилизация представляет собой локальное повышение уровня социальной организации людей при минимальном ограничении степени их свободы. Поэтому социальное отчуждение в целом здесь существенно ослабляется (несмотря на то, что индустриальное общество порождает новые проявления этого феномена). Однако в условиях цивилизации получает распространение достаточно болезненное восприятие отчуждения. Здесь следует отметить, что сходные субъективные ощущения и переживания (чувства одиночества, бессилия, бессмысленности, потерянности и т. п.) могут отражать как объективную ситуацию порабощения человека результатами его деятельности (в том числе ограничения его свободы социальностью), так и объективную ситуацию блокирования цивилизационными институтами и нормами фундаментальных отношений социальности, сковывающих свободу индивида. Но социальное отчуждение — это не просто порабощение человека социальностью, а порабощение социальностью человеческого в человеке (т. е. личностного, творческого начала). Кроме того, психологическое состояние отчужденности, одиночества может отражать и разрыв единства человека с природой и социумом. Представляется, что болезненное переживание отчуждения западным человеком в большей степени является социально-психологическим выражением такого разрыва, а также подавления цивилизационными нормами и правилами инертного (по сути животного) начала в человеке, чем выражением объективной ситуации социального отчуждения.

Оценивая перспективы цивилизаций, А. Тойнби отмечал, что «все примитивные общества, дошедшие до нас в статичном состоянии, когда-то находились в движении; и все общества, ставшие цивилизациями, рано или поздно, тем или иным способом придут к статическому состоянию»⁶. Таким образом, у Тойнби речь идет именно о чередовании статички и динамики в жизни социума. Иначе говоря, он рассматривает указанные выше состояния социума как равновероятные, а ведущие к ним

тенденции (Инь и Ян) — как равные. Однако древние китайские мыслители первым членом двоицы Инь-Ян всегда считали женское, мягкое, пассивное начало Инь, символизирующее также состояние покоя. Причем если тот же марксизм (вполне в духе европейской ментальности) рассматривает покой как момент движения, то даосизм исходит из того, что «покой есть главное в движении». Согласно взглядам даосов, все вещи в мире «возвращаются к своему началу. Возвращение к началу называется покоем, покой называется возвращением к сущности. Возвращение к сущности называется постоянством». В трактате «Дао дэ цзин» также читаем: «Мягкое и слабое побеждает твердое и сильное»; «Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое»; «Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое»⁷. На первый взгляд создается впечатление, что в двоице Инь-Ян явно доминирует женское, пассивное, начало. Однако, как указывает В. Малявин, «женственному в даосизме отдается предпочтение лишь в том смысле, в каком пустота в оппозиции пустоты и наполненности является также абсолютной пустотностью, объемлющей и то и другое»⁸. Поэтому, характеризуя соотношение сил Инь и Ян, можно сказать (перефразируя известное изречение Дж. Оруэлла), что Инь и Ян равны, но Инь «равнее».

Итак, согласно древнекитайской философии, тенденции, ведущие к статичному и динамичному состояниям, не совсем равны, а сами эти состояния не равновероятны (покой обретается в небытии, небытие же есть глубочайшая первооснова всего существующего). Интересно, что анализ соотношения статики и динамики в человеческой истории с позиций современного системного подхода приводит к сходным выводам. «Традиционный» тип социума энтропически наиболее вероятен вследствие его стремления к стабильности, уравниванию и простоте. Он выражает движение большинства человечества «по течению человеческой стихии, движение по линии наименьшего сопротивления»⁹. Цивилизация же олицетворяет негэнтропийную тенденцию в человеческом обществе, ибо она блокирует отношения, сковывающие свободу индивида, повышает уровень социальной организации людей, степень дифференциации индивидов. Поэтому цивилизация представляется феноменом, сугубо локальным в пространстве и времени, а распространение лежащего в ее основе «расширенного порядка человеческого сотрудничества» на все мировое сообщество — не более чем абстрактной возможностью.

Под грузом накапливающихся глобальных проблем человечество рано или поздно вынуждено будет пойти на такие самозащитные меры, которые приведут к прекращению доминирования дестабилизирующей динамической тенденции и к ниспадению западной цивилизации в очередную модификацию традиционного общества, способного обеспечивать *выживание в экстремальных условиях. Это возвращение в статичное, стабильное состояние достижимо только путем снижения степени свободы индивидов и углубления социального отчуждения во всех сферах жизни общества.*

Направление дальнейшей эволюции обществ советского типа, пребывающих в данный момент в состоянии «смуты», хаоса, определяется сочетанием целого ряда факторов, в том числе случайных, поэтому можно сказать, что они находятся в «точке бифуркации». Из этого состояния такие общества могут как возвратиться к тоталитарному порядку (являвшемуся модификацией порядка, тысячелетиями существовавшего в традиционном обществе), так и перейти к порядку цивилизационному. Продвижение к цивилизации не раз в истории происходило именно в «эпохи смут», временного ослабления правительственного контроля¹⁰. Однако наиболее вероятен все же возврат к «традиционному» порядку.

Если динамичная западная цивилизация будет поглощена традиционным обществом, то хватит ли у человечества сил, чтобы в перспективе снова попытаться выбраться из эволюционного тупика? На наш взгляд,

поскольку ни одна из двух взаимодействующих в социуме и мире в целом противоположных тенденций (ни динамическая, ни статическая) никогда не может быть утрачена, постольку рано или поздно динамическая тенденция в одном из сообществ снова на какое-то время сможет стать доминирующей.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 94.

² См.: Зиновьев А. А. // Квинтэссенция: Философский альманах. 1991. С. 65.

³ См.: Поляков Л. В. // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.

⁴ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1990. Кн. 1. С. 119.

⁵ См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

⁶ Тойнби А. Постигание истории. С. 94.

⁷ Древнекитайская философия: Собр. текстов в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 122, 119, 126, 137.

⁸ Малявин В. В. Чжуанцзы. М., 1985. С. 203.

⁹ Зиновьев А. А. // Квинтэссенция. С. 65.

¹⁰ См.: Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность.